

Народ, который лузгает семечки, непобедим

Известия. - 1997. - 25 дек. - с. 1, 2

Америку спасли киномифы. Спасут и Россию — считает новый лидер кинематографистов

Валерий КИЧИН, «Известия»

Вяло начавшийся съезд российских кинематографистов завершился взрывом, эхо которого еще долго будет раскатами гулять не только по кинематографическим коридорам. 160 головами против 40 съезд избрал председателем Союза Никиту Михалкова.

Это был реванш. Одиннадцать лет назад 5-й «революционный» съезд СК СССР дал романтический бой старой системе кинобюрократии, став первопроходцем перестройки. С той поры СК функционировал в качестве микромоделли общества и его испытательного полигона: кинематограф обрел репутацию передовой линии реформ. Его лидеры — Элем Климов, Андрей Смирнов — стали в мире фигурами столь же знакомыми, как, на другом уровне и в иных масштабах, Михаил Горбачев.

Сегодня Горбачев рекламирует пиццу, Элем Климов и Андрей Смирнов исчезли с глаз людских. Ослепительный миг, когда они символизировали новую Россию, стремительно отодвинулся в прошлое, оставив обидное ощущение фарса.

Первопроходцем каких общественных процессов в стране стал нынешний, 3-й российский съезд, покажет ближайшее будущее.

Реванш был блистательным, Никита Михалков не скрывал торжества. В первых же строках своей речи он напомнил коллегам о том историческом 5-м съезде, где в революционном раже летели головы и репутации. Он не входил в число бюрократов, просто попытался вступить за честь и достоинство пусть советских, но больших художников, подвергшихся остракизму. И немедленно попал в число ревнителей проклятого прошлого — его, уже тогда всемирно известного режиссера, по сути дела, отлучили от Союза, и это было несправедливо. И вот теперь те самые люди, что шикали и топали в Кремлевском дворце, сами смиренно и униженно зовут его на царство. «Вам еще придется меня хорошенько попросить», — сказал он, пообещав в случае избрания провести полную аудиторскую проверку дел Союза и за четыре месяца предложить реальный план выхода из кризиса.

На пост, кроме него, были выдвинуты еще четверо кандидатов: Виктор Мережко, Сергей Соловьев, Владимир Хотиненко и Марлен Хуциев. Выступавший первым, Михалков легко сломил дух конкурентов. Стало ясно, что тут «сильная рука» и соответственно потенциальный лидер нового времени. Мережко и Хуциев сразу отвели свои кандидатуры, Соловьев — тоже, пообещав любое содействие в благих начина-

ниях. Хотиненко «для соревновательности» остался в списке, но все уже понимали, кто победитель.

Произнося свою речь, Михалков был совершенно уверен в успехе. Он хорошо знал психологию зала и позволил себе быть великолепно презрительным, говорил, как учитель с нашкодившими учениками, и зал легко и почти без ропота пал ниц. Роптали в перерыве, рокотали по углам, кто-то хлебнул коньячку с горя, осколки раздавленного самолюбия еще дали слабый отблеск в 64 голосах, поданных против Михалкова, 40 — за Хотиненко и 24 — против обоих кандидатов. Но это уже ровно ничего не меняло. Подавляющим большинством голосов Союз кинематографистов взял курс, прямо противоположный предыдущему.

То, что «так называемые демократы» наломали дров, было таким образом принято в качестве аксиомы. Надо расчистить дорогу, и тогда можно будет говорить о конкретных путях вывода Союза из кризиса. «Надо понять, каким образом самый богатый творческий союз дошел до полной нищеты», — заявил Михалков, пообещав призвать для срочных контрмер специалистов,

Никита Михалков делает ставку на державность и «советского человека».

Кадр из фильма «Октябрь» режиссера С. Эйзенштейна. 1927 год. В роли В. Ленина — В. Никандров.

которые за считанные месяцы уже подняли из руин его Фонд культуры. Новый лидер потребовал широких полномочий, ему не нужно декоративное правление, ему нужны люди, которым он доверяет и которые знают, как расчищать авгиевы конюшни. Через 4 месяца он созывает внеочередной съезд и предложит ему свою программу. Съезд властен принять ее или отвергнуть, Михалков за пост не держится и готов уйти. Но если останется — ему нужно абсолютное доверие.

(Окончание на 2-й стр.)

Народ, который лузгает семечки, непобедим

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

На эти 4 месяца новый лидер предложил утвердить в качестве правления руководителей региональных отделений союза («Регионы для нас очень важны!»), а также сравнительно небольшую группу кинематографистов, имена которых он тут же назвал.

Смена руководства Союза кинематографистов в данном случае не просто смена одного талантливого режиссера в руководящем кресле другим. Это смена всех ориентиров и признание ошибочности всего прежнего пути. «Западник» сменился державником и «патриотом». Михалков никогда не скрывал своих монархических убеждений и был убежден в особом пути России. Просвещая на сей предмет пресс-конференцию в Канне, собранную по случаю триумфальной премьеры его «Утомленных солнцем», он говорил о символическом значении привычки россиян грызть семечки. Для него в этом немудреном занятии заключалась целая национальная психология, невосприимчивая к западным ценностям. Его позиция во всех политических конфликтах последнего десятилетия была недвусмысленна: друг Руцкого, он лишь потому не оказался вместе с ним по ту сторону «баррикад», что был далеко на съемках. Потомственный представитель русской аристократии, он воспринял все черты барственной деловитости и умеет мгновенно вычислить в темной толпе «новых русских» тех, кто способен продолжить традиции русского просвещенного купечества. Деньги на «Утомленных солнцем» дал как раз такой купец-меценат из Нижнего Новгорода.

Его великолепно снисходи-

тельный тон в зале съезда для Михалкова абсолютно органичен. Патернализм барина ему свойствен по жизни, и всем поведением своим он четко делит окружающих на кость «белую» и «черную», никогда, разумеется, этого вслух не формулируя. Вслед за Мао он мог бы повторить тезис о народе-траве (рассуждения о семечках из того же ряда), и этот народ, во всех его слоях, несомненно нуждается в поводе-дыре, в царе-батюшке. Как художник Михалков именно такой образ для себя предпочитает и его создает, хотя по уровню мастерства это не лучшая его роль. В любом случае легкой жизни в Союзе кинематографистов не будет: типичного экстраверта и холерика Соловьева сменил человек кастово замкнутый, предпочитающий образ inferнального олимпийца-громовержца, не умеющий в себе сомневаться и жизнь страны как бы знающий, но наблюдающий ее из своего имени. Как любой барин, он знает цену телесной неге, но истово привержен суровым канонам православия. И скандальный эпизод второго дня съезда, когда делегатам было предложено объявить бойкот НТВ за показ пресловутого «Последнего искушения Христа», наверняка получит продолжение уже в последовательной и убежденной политике.

Этот образ как нельзя более отвечает идеалам, постепенно сгущающимся из полного тумана в общественном сознании. «Отец-батюшка» плюс «сильная рука» в среде, распавшейся и растерянной, потерявшей ориентиры.

Как создавать ориентиры, Михалков знает. «Америку из кризиса вывел кинематограф», — сказал он в своей первой тронной речи. — Америка через кино создала свой образ в мире, создала национальный миф, которому сама следует. То же было и с нашим советским кино. Идеология может нравиться или нет, но мы создали образ советского человека и ему следовали».

Советские киномифы, напомню, еще вчера наши доблестные киноведа звали просто — враньем. Сегодня они обосновывают их будущее клонирование. Журнал «Экран» уже начал выходить под прежним названием — «Советский».

Не хочу отнимать хлеб у Глобы, но не слишком ли много предзнаменований для нестойкой души?